

Единство теории и практики одинаково важно как для маститых профессионалов, так и для студентов юридических вузов

Интервью с **Николаем Семеновичем Бондарем**, заведующим Центром судебного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (ИЗиСП), судьей Конституционного Суда в отставке, доктором юридических наук, профессором, состоялось в октябре — после проведенной на базе Тверского областного суда конференции, посвященной судебному правоприменению и правотворчеству в современном правовом порядке. Николай Семенович, открывая мероприятие докладом на тему «От судебной практики — к судебному праву...», показал слушателям, как гармонично и стройно, на неизменной основе в виде конституционности бытия выстраивается из теории и практики архитектура права и правопорядка в обществе и государстве.

Наш разговор был приурочен к важным событиям — 100-летию Верховного Суда и X Съезду судей Российской Федерации — и получился очень обстоятельным, объемным и весьма разноплановым. Редакция не может опубликовать его целиком, однако планирует в сотрудничестве с информационным сетевым изданием «Правосудие РФ» выпустить в свет материал, посвященный нашему собеседнику.

Николай Семенович, наша встреча проходит в преддверии векового юбилея Верховного Суда Российской Федерации. Ваши отношения с наукой и судебной властью имеют довольно долгую историю. Скажите, в каком качестве Вы предпочли бы провести нашу сегодняшнюю беседу — как судья Конституционного Суда в отставке или как руководитель Центра судебного права ИЗиСП?

Да, действительно, мои профессиональные отношения с судебной властью имеют свою достаточно продолжительную историю. Но прежде, чем говорить об этом, хотелось бы обратить внимание, как представляется, на главный момент, который присутствует в Вашем вопросе, он заключается в том, что наша встреча проходит в преддверии большого юбилея, важного события для всей судебной системы. Пользуясь случаем, сердечно поздравляю коллег, всех причастных к работе в органах судебной власти, возглавляемых юбиляром — Верховным Судом.

Что же касается моих личных чувств по отношению к судебной системе, то, не буду скрывать, они прежде всего связаны с двумя десятилетиями работы в качестве судьи Конституционного Суда. Собственно, и нынешнюю мою работу я бы во многом назвал продолжением этой линии.

Почему продолжением?

Всё достаточно просто. Впрочем, как это иногда бывает, в простоте таится и некоторая неясность, предполагающая необходимость дополнительных пояснений.

Общепризнано, что Конституционный Суд — суд особый, или, как мне раньше доводилось говорить и писать, «больше, чем суд». Я говорю об одной из его существенных особенностей (конечно, не единственной), а именно о том, что это не только государственно-властный юрисдикционный орган, но и своего рода научно-исследовательская лаборатория. Это ярко проявляется и в самом составе Суда: до недавнего времени, пока он состоял из 19 судей, 13 из них были доктора юридических наук.

Общепризнан сегодня и тот факт, что результатом деятельности КС РФ является принятие решений, имеющих как юридически обязательную (нормативную), так и доктринальную природу. Иными словами, принимая решение по конкретному

делу, КС РФ в той или иной мере развивает и правовую доктрину по соответствующим вопросам. Налицо, таким образом, тесная, органическая связь судебной практики и правовой теории.

Как раз такое продолжительное погружение в эту атмосферу, требующее заниматься одновременно и практикой, и теорией правосудия, и предопределило во многом мою нынешнюю работу как руководителя Центра судебного права. Эта работа также в очень большой, я бы даже сказал, в максимальной степени предполагает учет единства теории и практики судебной юриспруденции. Кстати, будучи назначен в 2000 году судьей КС РФ, я не оставил научно-педагогическую университетскую работу, но начал, прямо или косвенно, связывать тематику практически всех своих научных публикаций (а их было немало, и не только статей) с профессиональной работой судьи. (Вспомнив об этом, льщу себя надеждой: вдруг кому-то из молодых судей пригодится такой опыт.) Считаю, что единство теории и практики — это проблема, которая одинаково важна как для действующих, маститых профессионалов-юристов, так и для будущих светил юриспруденции, нынешних студентов юридических вузов.

Коль скоро Вы затронули тему единства теории и практики судебной юриспруденции, хочу уточнить: не ею ли объясняется создание по Вашей инициативе в структуре Ростовского государственного (ныне Южного федерального) университета, Вашей *alma mater*, Научно-образовательного центра судебного конституционализма?

Да, Вы абсолютно точно это подметили. В 2020 году, за несколько месяцев до завершения моей работы в КС РФ, в структуре Южного федерального университета в Ростове-на-Дону был создан Научно-образовательный центр судебного конституционализма. Главная идея, которая лежала в его основе, — соединение науки, практики и образования. Что очень важно, Центр был образован при активном участии не только руководства Южного федерального университета, но и губернатора, Законодательного собрания Ростовской области, а также Ростовского областного суда во главе с его председателем Еленой Анатольевной Золотаревой, Пятнадца-

того арбитражного апелляционного суда (председатель Ольга Геннадьевна Авдонина), Арбитражного суда Ростовской области (председатель Олег Григорьевич Мишаков). И могу сказать, что Центр судебного конституционализма стал важной научно-практической дискуссионной площадкой именно благодаря вовлеченности практиков, в особенности судей.

Подтверждение этого – проведение различных форумов, например экономического конституционализма и правоохранительного конституционализма в 2021 году, конституционной экологии в сентябре 2022 года. Я очень благодарен коллегам и судейскому сообществу, в том числе журналам «Судья» и «Российская юстиция», за активную поддержку этих мероприятий. Объединяя на одной площадке ученых из различных городов России, практиков соответствующих направлений правотворческой, правоприменительной, в особенности судебной, деятельности, равно как и студентов, магистров, аспирантов, такие события и есть конкретная форма реализации идеи единства теоретической и практической юриспруденции. Об этом свидетельствуют, кстати, и публикации по итогам форумов: едва ли не большую их часть составляют материалы, подготовленные судьями, другими практическими работниками на основе обобщения правоприменительной практики.

Центр судебного права, который Вы сейчас возглавляете, появился на нашем юридическом ландшафте совсем недавно. Расскажите о нем подробнее, пожалуйста. Каковы его цели и задачи?

Это тоже как бы продолжение работы, направленной на соединение теории и практики правосудия. Так, наряду с Центром судебного конституционализма в ЮФУ во многих научно-образовательных учреждениях Москвы, Санкт-Петербурга, других регионов созданы структурные подразделения, ориентированные на изучение проблем правосудия и судебной практики. В ряду многих задач, связанных с развитием теории и практики правосудия, важное значение имеет совершенствование организационно-правовых структур, ориентированных на достижение соответствующих целей.

Думается, не будет преувеличением сказать, что особую роль здесь игра-

ет ИЗиСП, в структуре которого имеются несколько отраслевых подразделений, ориентированных на судебную-правовую тематику (как, например, Центр уголовного, уголовно-процессуального законодательства и судебной практики). В 2014 году в Институте был создан специализированный отдел имплементации решений судебных органов в законодательство Российской Федерации, который через четыре года был преобразован в отдел судебной практики и правоприменения.

Новым этапом в развитии специализированных структур ИЗиСП, ориентированных на исследование теории и практики правосудия, стало создание в декабре 2021 года Центра судебного права. Его основная цель заключается как раз в исследовании и теоретических, и прикладных проблем организации и функционирования судебной власти, в обобщении и изучении судебной практики, ее влияния в том числе на законодательное регулирование. Исследуется также зарубежный опыт правосудия, включая возможности рецепции положительного законотворческого и правоприменительного опыта судебной деятельности, формирования единообразной судебной практики, использования в этих целях прецедентных начал в современных правовых системах.

Фундаментальным направлением научно-исследовательской деятельности Центра является исследование не только «права о суде и для суда», но и «права суда». Сейчас возникла необходимость в более активном, чем это было до недавних пор, исследовании проблем судебной практики в аспекте не только правоприменения, но и судебного правотворчества. Очевидно, что в нынешних условиях глубоких перемен, преобразований во всех сферах государственно-политической, экономической, социально-культурной жизни активная роль суда по преодолению пробелов в правовом регулировании, устранению межотраслевых и иных противоречий, коллизий (в том числе ценностных), по обеспечению баланса частных и публичных интересов и т.д. и т.п. приобретает особое значение. Чего стоит только, например, административно-правовая сфера, в рамках которой реализуется новая для нас правоприменительная практика, заметно затрагивающая права и свободы граждан, связанная с частичной мобилизацией, вхождением в состав

России новых субъектов. В интересах гарантирования прав на судебную защиту естественное, вполне понятное отставание, запаздывание законодателя в регулировании новых проблем и отношений может и должно компенсироваться активностью суда. Особая роль принадлежит в этом плане, конечно, высшим судебным органам в лице Конституционного и Верховного судов. Достаточно отметить, что Верховный Суд в течение последних лет принял постановления Пленума практически по всем формам судопроизводства, имеющие принципиальное и – важно это подчеркнуть – обязательное, фактически нормоустановительное значение для нижестоящих судов, включая апелляционные и кассационные суды (для последних это, например, Постановления Пленума от 30 июня 2020 г. № 12 и № 13, или от 9 июля 2020 г. № 17, от 28 июня 2022 г. № 21, от 25 декабря 2018 г. № 50).

Не погружаясь дальше в эту большую и весьма непростую тему, могу лишь выразить надежду на то, что вопросы судебного правотворчества займут достойное место в столь важной практико-прикладной теме, какой является, в частности, проблема обеспечения единообразия судебной практики.

Судебное правотворчество – важное направление судебной деятельности. Но не означает ли оно движение нашей правовой системы в сторону прецедентного права, к заимствованию практики общего (англосаксонского) права?

При всем том, что по вопросу о судебном прецеденте продолжаются давние дискуссии, выскажу личное (не связанное с принадлежностью к ИЗиСП) мнение: слава богу, мы переболели юридическим романтизмом 90-х годов, полным представлений о недалеком «светлом будущем», которое якобы должно наступить на основе сближения, конвергенции ключевых правовых систем современности (имелись в виду прежде всего романо-германская правовая система и прецедентная система общего права). Теперь уже стало понятно, что в основе развития отечественной правовой системы должно лежать последовательное укрепление государственного суверенитета, национальных правовых ценностей и традиций. В этом плане и обращение к проблемам судебного право-

творчества, к «праву суда» есть, по моему мнению, в первую очередь возвращение к нашим изрядно забытым национальным традициям и достижениям в этой области, а не заимствование англосаксонской модели судебного прецедента. Я сейчас говорю об одном из важных итогов Великой судебной реформы 1864 г. – не только об утверждении суда «скорого, правого, милостивого и равного для всех», но и конкретно о фактическом придании Правительствующему сенату в лице его кассационных департаментов по гражданским и уголовным делам правотворческих функций. И хотя эти функции исполнялись чаще всего под видом толкования законов, решения Кассационного сената обладали двояким статусом: были направлены на разрешение конкретного дела, с одной стороны, и на выработку общего подхода, общего требования (нормы), которые будут применимы в аналогичных делах, – с другой. Именно так Кассационный сенат решал свою главную задачу – обеспечение единообразия судебной практики, обладая, кстати, полномочиями по осуществлению не только инцидентного (касающегося конкретного дела), но и абстрактного, упреждающего толкования. В этом плане наша модель прецедентных начал, условно говоря, «сверху вниз», от высшей судебной инстанции – к нижестоящим судам.

Поэтому сегодня нам необходимо внимательнее оценить собственный исторический опыт правосудия, а не пытаться слепо заимствовать зарубежные образцы, как это порой делалось до недавнего времени.

Николай Семенович, на Ваш взгляд, нуждается ли современная судебная система в дальнейшем реформировании? И что правильнее – обозначить новые преобразования как самостоятельную судебную реформу или как очередной этап ныне идущей?

Нет ничего неожиданного в том, что и ранее реализованные, и нынешние изменения, преобразования в судебной системе именуются как *реформа*. Есть ли для этого основания? На мой взгляд, слишком частое и произвольное использование данного термина весьма сомнительно, причем по разным причинам. Не секрет, что само понятие «реформа» сегодня во

многим девальвировано, прежде всего в глазах общества, особенно если вспомнить о «реформах» и их «достижениях» в системе образования (в том числе юридического), местного самоуправления, не говоря уже об административной, пенсионной реформах и т.п. К тому же важно учитывать, что в историческом контексте «реформа» — это сущностное, принципиальное изменение, преобразование. В этом плане реформа судоустройства изначально, по крайней мере с 90-х годов, действительно имела характер глубоких преобразований с постановкой проблем и целей решения таких, казалось бы, попутных вопросов, как деятельность адвокатуры, нотариата, учреждений исполнения наказаний; система подготовки юридических кадров; юридическое образование и т.п. Оценивая же нынешние изменения, едва ли есть основания рассматривать их как судебно-правовую реформу.

Эти размышления не исключают, впрочем, необходимости дальнейших преобразований в судебной системе. Обозначу для примера только один вопрос: *о соотношении специализации и унификации в судебной системе*. Он не нов и дискутируется давно. Но дело не только в продолжающихся дискуссиях. Думаю, мы недооцениваем положение части 2 ст. 118 Конституции (в новой его редакции), которое мало воспринимать лишь как *закрепление форм судопроизводства* — по меньшей мере это еще и *косвенное закрепление основ судоустройства* и, стало быть, признание возможности формирования и функционирования относительно самостоятельных судебных систем конституционной, гражданской, арбитражной, административной, уголовной юрисдикций. Ситуация с конституционным и арбитражным судопроизводством достаточно определенная: судебная система представлена самостоятельными структурами (КС РФ и арбитражные суды). В отношении гражданского, уголовного и административного судопроизводства предполагается углубление специализации судебной системы. Но все это — самостоятельные темы для обсуждения.

То же самое касается и иных, широко обсуждаемых в настоящее время специализаций правосудия, таких как ювенальные, трудовые, природоохранные, антикоррупционные и другие направления судебной специализации. Кстати, отсут-

ствие конкретных конституционных предпосылок для их формирования в качестве самостоятельных судебных структур не означает невозможность какой-либо иной их организационной обособленности в единой судебной системе. Данная проблема может быть решена, например, за счет создания специальных судебных составов, функционирующих в рамках единого суда профильной юрисдикции.

В таком случае надо ли ожидать разделения гражданского и уголовного судопроизводства в системе судов общей юрисдикции?

Размышляя о возможности выделения в системе судов общей юрисдикции административных судов, вполне резонно говорить и о разделении гражданского и уголовного судопроизводства. Представляется, что данные суды также могут существовать в виде относительно независимых судебных ветвей, поскольку различия в осуществлении гражданского и уголовного процесса весьма значительны. Кроме того, действующее законодательство предусматривает специализированные составы суда для рассмотрения уголовных дел, а также определяет особенности материально-технического обеспечения судов общей юрисдикции именно по причине рассмотрения в последних уголовных делах.

Подобная специализация — при всех материально-финансовых издержках ее введения — позволила бы, помимо формирования общего конституционного концепта различных форм судопроизводства, усилить независимость суда при вынесении решения по существу. В частности, в различных экспертных заключениях и оценках отмечается, что фактическая специализация судей и составов в структуре единого суда общей юрисдикции порой используется для поддержания кадровой дисциплины; при этом известно, что в соответствии с действующим законодательством обеспечение равномерной судейской нагрузки входит в компетенцию председателя соответствующего суда.

Аргументом в пользу структурного обособления уголовного судопроизводства может стать также расширение его сферы за счет определенной категории дел об административных правонарушениях, поскольку специфика последних во

многим соотносима (тем более в контексте нынешнего реформирования Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях) с преступлениями (за исключением степени общественной опасности). Подобная соотносимость уголовного и административного судопроизводства, взаимосвязь административной и уголовной деликтной ответственности имеют объективные предпосылки и проявления: сочетание процессуальных гарантий возложения ответственности в связи с противоправными деяниями в уголовной и административной сфере; определение общих материально-правовых критериев установления мер ответственности; определение порядка реализации имущественных требований, подлежащих рассмотрению при возложении соответствующей ответственности.

Оценивая возможности сближения уголовного и административного правосудия при поиске оптимальных вариантов структурной специализации судебной системы, нельзя, таким образом, не учитывать ряд весьма значимых обстоятельств. Во-первых, природа административных правонарушений и преступлений схожа, подтверждением чего служит среди прочего предложение о внедрении категории «уголовный проступок», направленной на либерализацию уголовного законодательства. Во-вторых, хаотичное реформирование законодательства об административных правонарушениях в настоящее время свидетельствует о тенденциях усиления данного вида юридической ответственности, вплоть до возможности перерастания административных деяний в самостоятельные уголовные составы, и т.п. Подобная ситуация – в совокупности с ощутимо более низкой системой процессуальных гарантий для правонарушителя, предусмотренной КоАП РФ, – вряд ли может называться допустимой, в том числе в контексте закрепленных в Конституции базовых принципов юридической ответственности. Поэтому распространение на административные правонарушения более высокого уровня гарантий, обеспеченного уголовно-процессуальным законодательством, представляется оправданным. В-третьих, включение определенных видов административных правонарушений в число деяний, рассматриваемых в уголовно-процессуальном порядке, позволит обеспечить методологическое единство в

понимании разграничения установленных Конституцией форм судопроизводства, усилит восприятие административного производства (а равно и административного права как такового) в его традиционном смысле – как направленного на рассмотрение споров, возникающих между частными лицами и публичной властью.

При этом, говоря о возможных перспективах развития специализированного правосудия в свете положений части 2 ст. 118 Конституции РФ, важно подчеркнуть: в целях реализации одного из ключевых процессуальных принципов – недопущения споров о подсудности – каждая из представленных форм правосудия должна оставаться в пределах единой судебной ветви, возглавляемой сегодня юбилейным в лице Верховного Суда России.

Звучит как цельная концепция судоустройственного развития.

Нет, это лишь отдельные зарисовки, размышления вслух. Но задача науки, в том числе Центра судебного права, – заниматься доктринальными проблемами перспективного развития судебной власти, совершенствования всей системы многоотраслевого законодательства о судоустройстве и судебной деятельности. Центр, в рамках своих возможностей, занимается текущими и перспективными исследованиями этих вопросов. При этом всем нам важно учитывать, что в России, в отличие от многих других государств, в том числе причисляемых сегодня к демократическим, правовым, суд довольно рано начал играть активную роль в общей системе государственности, влиять на другие государственные институты и в конечном счете на формирование отечественной системы конституционализма. И сегодня перед юридическим, судебским сообществом стоят новые, в том числе по сравнению с недавними глубокими изменениями в судоустройстве, задачи, а именно: обеспечить дальнейшее развитие и модернизацию правосудия, повысить его качество и эффективность, обеспечить высокий уровень правовой защищенности граждан и организаций, доверия гражданского общества к суду.

Николай Семенович, огромное спасибо Вам за интересную беседу!